

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 1

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Agalarzade A. M.</i> A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan	7
<i>Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф.</i> Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10)	26
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Древнетюркское t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: ложные и действительные параллели	49
<i>Жилина Н. В.</i> Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья.....	62
<i>Кичигин Д. Е.</i> Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия)	83
<i>Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянчик О. А.</i> Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей)	104

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Туркменские депутации на коронационных торжествах российских императоров	123
<i>Каменских М. С., Чернышева Ю. С.</i> Казахи в национальной политике Уральской области в 1930-е гг.	139
<i>Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г.</i> Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных	155

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Пелевина О. В.</i> Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова)	178
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса»	202
<i>Назарова Т. П., Иванов В. А.</i> Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР в 1940–1950-е гг.	234
<i>Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.</i> Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани)	248
ДЛЯ АВТОРОВ	272

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, № 1

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Агаларзаде А. М.</i> «Могила война» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана.....	7
<i>Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F.</i> Iron belt buckles among the population of the northern foothills of Altai in the era of the Turkic Khaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10).....	26
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Old Turkic t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: its false and real parallels	49
<i>Zhilina N. V.</i> , Burial and lifetime attire in the early Middle Ages.....	62
<i>Kichigin D. E.</i> Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia).....	83
<i>Kuzmin Y. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A.</i> First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysis in bone collagen).....	104

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Atdaev S. J.</i> Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors.....	123
<i>Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S.</i> Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930 ^s	139
<i>Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G.</i> Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data	155

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Pelevina O. V.</i> Lifestyle and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern borderland (based on publications by A. V. Kirillov)	178
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy.....	202
<i>Nazarova T. P., Ivanov V. A.</i> The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940 ^s –1950 ^s	234
<i>Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O.</i> Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan)	248

FOR AUTHORS	272

УДК 322 (571.1) +2 (571.1)
DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Республика Узбекистан)

Е. А. Траудт

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1945–1953 ГГ.: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ «НОВОГО КУРСА»

В статье на основе архивных документов Государственного архива Российской Федерации изучается процесс государственного регулирования деятельности православных общин Бурят-Монгольской АССР в период реализации советской вероисповедной политики т. н. «нового курса» и его последующей трансформации (середина 1940-х — 1950-е гг.). В процессе исследования показано, что православие в поликонфессиональном бурятском регионе занимало периферийное положение в системе государственно-конфессиональных отношений. Отсутствие в регионе уполномоченного Совета по делам РПЦ, ограниченное количество зарегистрированных приходов (Улан-Удэ, Кяхта), и их нестабильное финансово-хозяйственное положение свидетельствовали о второстепенности православного вопроса в повестке республиканских властей.

Деятельность легализованных приходов демонстрирует их существование в условиях перманентного внешнего контроля и внутренней конфликтности. Постоянный рост налоговой нагрузки на служителей культа после 1948 г. выступал еще одним экономическим рычагом давления и ограничения деятельности. «Новый курс» в отношении православия в Бурят-Монгольской АССР не означал подлинной либерализации государственно-конфессиональных отношений или отказа от стратегической цели построения атеистического общества. Православная традиция в регионе, лишенная в предшествующие десятилетия основной части своей инфраструктуры и социальной базы, получила крайне узкие и неустойчивые возможности для легального существования.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Бурят-Монгольская АССР, Совет по делам РПЦ при СМ СССР, государственно-конфессиональные отношения, сталинская религиозная политика, православные приходы

Для цитирования:

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса» // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 202–234. DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры всемирной истории Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова, Самарканд (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fnp.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Траудт Егор Андреевич, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

P. K. Dashkovsky

Altai State University, Barnaul (Russia); Sharof Rashidov Samarkand State University, Samarkand (Republic of Uzbekistan)

E. A. Traudt

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1945–1953: INSTITUTIONS AND PRACTICES UNDER THE SOVIET “NEW COURSE” RELIGIOUS POLICY

Based on archival documents from the State Archive of the Russian Federation, this article examines the process of state regulation of Orthodox communities in the Buryat-Mongolian ASSR during the implementation of the Soviet religious policy known as the “New Course” and its subsequent transformation (mid-1940^s — 1950^s). The study demonstrates that Orthodoxy in the multi-confessional Buryat region occupied a peripheral position within the system of state-religious relations. The absence of a plenipotentiary of the Council for the Affairs of the

Russian Orthodox Church in the region, the limited number of registered parishes (Ulan-Ude, Kyakhta), and their unstable financial and economic situation testified to the secondary importance of the Orthodox issue on the agenda of the republican authorities.

The activities of the legalized parishes illustrate their existence under conditions of permanent external control and internal conflict. The constant increase in the tax burden on clergy after 1948 served as another economic lever of pressure and a constraint on their activities. The “New Course” regarding Orthodoxy in the Buryat-Mongolian ASSR did not signify a genuine liberalization of state-religious relations or an abandonment of the strategic goal of building an atheistic society. The Orthodox tradition in the region, deprived in previous decades of most of its infrastructure and social base, received extremely narrow and unstable opportunities for legal existence.

Keywords: Russian Orthodox Church, Buryat-Mongolian ASSR, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers, state-religious relations, Stalinist religious policy, Orthodox parishes

For citation:

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy. *Nations and religions of Eurasia*. 2026T. 31, № 1. P. 202–234. DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at Altai State University, Barnaul (Russia), Professor of the Department of World History, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Traudt Egor Andreevich, Senior Lecturer, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Введение

Религиозный ландшафт Бурятии, традиционно ассоциируемый с буддизмом и шаманизмом, характеризуется устойчивым присутствием и последователей православия. Это подтверждается современными статистическими данными: на конец 2024 г. Бурятская митрополия Русской Православной Церкви, объединяющая 87 из 260 зарегистрированных в регионе религиозных организаций, является крупнейшей по этому показателю [Статистический ежегодник... 2025: 182–183]. При этом современные исследователи отмечают исторически сложившийся в Бурятии буддийско-шаманско-православный синкретизм, свидетельствующий о высокой степени религиозной толерантности населения [Батомункуев, Варнавский, 2016: 216–217]. Данный факт обуславливает актуальность изучения истории православной традиции в Бурятии и ее

взаимодействие с органами власти. Ключевым для понимания современной религиозной ситуации в регионе является советский этап, когда проводимая политика принудительной секуляризации и административного контроля привела к маргинализации религии, создав предпосылки для ее активного восстановления в постсоветскую эпоху. Осмысление этого опыта позволяет разрабатывать более эффективные модели взаимодействия государства и религиозных объединений, направленные на гармонизацию межконфессиональной сферы [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 7].

Открытие архивов в 1990-е годы, названное «архивной революцией», дало мощный импульс исследованию ранее закрытых страниц советской истории [Хлевнюк, 2025: 20–21]. Это касалось и сферы изучения вероисповедной политики. Однако, несмотря на появление работ как общероссийского, так и регионального уровней, механизмы государственного регулирования религии в национальных автономиях Сибири, особенно в Бурят-Монгольской АССР, остаются слабо изученными. Существующие исследования по бурятскому православию (труды Г. С. Митьповой [2005; 2014] и И. С. Цыремпиловой [2014, 2017]) внесли важный вклад в изучение научной проблемы. При этом их источниковая база ограничивалась в основном региональными архивами. Данная работа предлагает новый ракурс, базируясь на документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), что позволит проанализировать механизмы реализации единой вероисповедной политики в отношении православных общин на союзном и республиканском уровнях. Целью данного исследования является комплексный анализ государственного регулирования РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. в период «нового курса» советской вероисповедной политики.

Под «новым курсом» в историографии понимается преимущественно период 1943–1948 гг., начавшийся встречей И. В. Сталина с иерархами РПЦ и завершившийся фактическим прекращением регистрации религиозных общин. В настоящем исследовании понятие «новый курс» употребляется в расширенной трактовке — применительно ко всему позднесталинскому периоду вероисповедной политики (вторая половина 1940-х — первая треть 1950-х гг.). Это позволяет рассматривать как период его относительной либерализации, так и последующее свертывание в едином контексте. Такой подход соответствует традиции ряда исследователей (М. В. Шкаровский, отчасти Т. А. Чумаченко [Шкаровский, 1999; Чумаченко, 1999: 23–173]) и не противоречит источниковой базе работы.

Правовое положение религиозных объединений в период «нового курса»

С приходом советской власти вероисповедная политика претерпевает значительные изменения. Ее правовой базой можно считать декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.), Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» (1929 г.), а также нормы Конституций СССР (1924, 1936, 1977). Данные документы постулировали принцип отделения религиозных объединений от государства, лишая последних прав юридического лица. Деятельность религиозных объединений должна была касаться сугубо культового характера, никак не влияя на другие сферы общественной жизни. При номинальной и декларативной свободе совести, выраженной в Основном Законе, фактически всю вероисповедную политику регулиро-

вали и направляли секретные распоряжения, предписания, постановления и инструкции, информацию о которых имело лишь небольшое количество партийных и советских служащих, занимающихся вопросами религии. Формировалась ситуация, при которой рядовой верующий был оторван от истинного положения вещей и механизмов осуществления вероисповедной политики [Сосковец, 2003].

В современной историографии преобладает взгляд на советскую вероисповедную политику как на сложный и противоречивый процесс. Применяемые меры государства по отношению к религиозным объединениям не были линейными. Часто ключевые механизмы формировались под влиянием текущих политических задач, а не идеологии. Это позволяет исследователям, вслед за А. И. Савиным, определять данную политику как «зигзагообразную». На фоне общего курса построения атеистического государства возникали периоды временного «потепления», которые являлись следствием прагматичных решений высшего руководства [Савин, 2018].

Интересную точку зрения на взаимоотношения советского государства и православной церкви выдвигает Е. Лютко. Он критикует устоявшуюся в зарубежной историографии схему, описывающую положение церкви в СССР исключительно через оппозицию «борьба — коллаборационизм», считая, что это является упрощением. Эта модель, сформированная западной и эмигрантской литературой в условиях информационного вакуума, не позволяла увидеть сложность церковной реальности [Лютко, 2025].

Одним из «зигзагов» советской вероисповедной политики по праву можно считать пересмотр государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. Вопрос о причинах данного явления достаточно объективно и комплексно рассмотрен в ряде работ исследователей [Митрофанов, 2021: 444–510; Рокуччи, 2016; Шкаровский, 1999; Чумаченко, 1999: 23–173; и др.]. Среди основных факторов кардинального пересмотра системы государственно-конфессиональных отношений обычно выделяют патриотическую деятельность многих конфессий во время Великой Отечественной войны (далее — ВОВ), тенденцию противостоять лояльному отношению к религии со стороны гитлеровской Германии на оккупированных территориях, а также ставку руководства страны на возможное использование религиозных объединений в международной деятельности. Исследователь вероисповедной политики «сталинского» периода И. В. Курляндский, признавая вышеназванные доводы, добавляет к ним стремление властных структур лишить религиозные объединения в целом и отдельных священников в частности ореола «гонимых» для снижения их авторитета среди верующей части населения [Курляндский, 2011: 578]. С данным утверждением трудно не согласиться. Определенная совокупность фактов: итоги переписи населения 1937 г., результаты которой показали значительное число религиозных людей в номинально атеистическом СССР [Жиромская, Киселев, Поляков, 1996: 96], репрессии священнослужителей в конце 1930-х гг. [Курляндский, 2010] и общий рост религиозной активности во время ВОВ говорят о небезосновательности опасений правительства и партии в вопросе возможного неконтролируемого «религиозного возрождения».

Определяющим моментом для всей вероисповедной политики «нового курса» стала встреча православных митрополитов с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г. После этого организация всей религиозной жизни в стране становится подконтрольной госу-

дарству, восстанавливаются церковные структуры, корректируется нормативно-правовая база, определяющая правовое положение религии в СССР [Курляндский, 2019б: 315]. Практически всеми исследователями признается, что сталинский разворот в вероисповедной политике был в первую очередь политическим шагом, направленным для достижения конкретных целей. В пользу этого вывода обычно приводят аргумент, что комплекс советского законодательства, касающегося религиозных объединений, так и не был пересмотрен окончательно, хотя такие попытки предпринимались. Учреждаемые после 1943 г. нормативно-правовые акты, предполагающие некоторые уступки религиозным объединениям, часто противоречили действующему законодательному корпусу, регулирующему религиозную сферу [Беглов, 2008: 103–105; Шкаровский, 2009: 13]. Временный характер появившихся документов позволял в любой момент развернуть все вспять, в очередной раз качнув маятник вероисповедной политики в сторону ужесточения. Характерно, что с началом ВОВ была «заморожена» вся антирелигиозная пропаганда, закрыты все атеистические издания и музеи [Курляндский, 2019а]. Некоторые исследователи советского атеизма не без основания видят в этом преобладание политических интересов руководства страны над идейной составляющей советского режима [Смолкин, 2021: 138–139].

Роль посредников между религиозными объединениями и государством в новой системе отношений отводилась Совету по делам РПЦ при СНК (с 1946 г. — СМ) СССР (создан в 1943 г.) [Одинцов, Чумаченко, 2013] и Совету по делам религиозных культов при СНК (с 1946 г. — СМ) СССР (создан в 1944 г.) [Одинцов, Кочетова, 2014: 154–165]. В регионах данные Советы имели систему уполномоченных, осуществляющих непосредственный контроль за деятельностью религиозных объединений на местах. Многочисленные уполномоченные, в том числе курирующие религиозный вопрос, позволяли более эффективно осуществлять «повседневный» контроль, придавая ему системность [Хлевнюк, Горлицкий, 2024: 35].

Открытие культовых зданий и регистрация религиозных объединений регулировались в случае РПЦ МП постановлением СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.) [Постановление Совета народных комиссаров СССР № 1325..., 2010: 105–107], а в случае религиозных объединений других вероисповеданий — постановлением СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.) [Приложение к постановлению № 1603..., 2015: 603–604]. Новая система де-юре должна была облегчить процедуру получения регистрации культового здания, предполагая установить комбинированную систему по регистрации религиозных объединений между союзными и местными органами власти [Одинцов, 2014: 310]. Однако де-факто система «тройного фильтра», через который пропускалось заявление группы верующих (уполномоченные, местные органы власти, общесоюзные Советы) усложняла ситуацию [Курляндский, 2019б: 143–146]. Уполномоченные, являясь первичной инстанцией и принимая непосредственное участие в работе по рассмотрению заявлений граждан, сразу отсекали большое количество заявлений верующих. Запретительный характер работы был характерен и для последующего решения местных органов власти. По данной причине многие письма и прошения верующих не доходили до общесоюзных Советов [Одинцов, 2019].

Важным условием по открытию культовых зданий стали техническая и санитарная оценка состояния здания, его пригодность, а также расстояние от культового сооружения до населенных пунктов заявителей и число действующих зданий того же вероисповедания в регионе. В вышеуказанных постановлениях предусматривалось, что председатели религиозных центров или их представители полномочны поддерживать или отторгать заявления граждан об открытии культовых зданий [Приложение к постановлению № 1603...: 2015: 603–604]. Создание этих условий позволяло регулировать процесс открытия храмов и молитвенных домов на отдельно взятой территории, создавая формальные причины для отказа [Курляндский, 2019б: 143–146].

Другие нормативно-правовые акты были направлены на уточнение положения религиозных объединений внутри СССР. Так, постановление СНК СССР «О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях» (1945 г.), постановление СНК СССР «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» (1946 г.), постановление «О молитвенных зданиях религиозных обществ» (1946 г.) наделяли религиозные объединения правом т. н. «ограниченного лица». Разрешалось покупать, арендовать, строить здания для собственных нужд. Кроме того, появилась возможность открывать на свое имя текущие счета в Государственном банке СССР для хранения сумм, поступающих в ходе пожертвований [Курилов, 2022: 74]. Был установлен запрет на закрытие без специального разрешения Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР и Совета по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР молитвенных зданий, находившиеся в ведении религиозных объединений. Без подобного разрешения не допускалось переоборудование недействующих храмов, а их разбор и слом рассматривался как крайний случай и мог осуществляться только при наличии соответствующего технического акта. Местным органам власти было предложено находить и по возможности выделять религиозным обществам какой-либо материал для проведения ремонта культовых помещений [Ахмадулина, 2022: 322–323].

В связи с изменением статуса религиозных объединений РПЦ МП трансформировалась и система управления православным приходом. В период 1945–1960-х гг. распорядительным органом считалось приходское собрание, сформированное из т. н. «двадцатки». Исполнительным органом являлся церковный совет, а контролирующими — ревизионная комиссия и настоятель храма. Церковный Совет, согласно положению «Об управлении РПЦ» (1945 г.), заботился о материальной обеспеченности и состоянии храма, а также ведал финансовыми средствами. Ревизионная комиссия, состоящая из трех членов прихода, должна была осуществлять контроль за церковным имуществом и поквартально проводить ревизии [Положение..., 1945: 5–8]. В свою очередь, настоятель назначался управляющим епархией и был обязан возглавлять приходскую общину и церковный совет. Таким образом, духовенство вновь сосредоточило в своих руках административную и финансовую деятельность. При этом данный документ противоречил Постановлению ВЦИК «О религиозных объединениях» (1929 г.), согласно которому управление религиозными объединениями должно было находиться в руках исполнительных органов, избранных из «двадцатки» учредителей, т. е. мирян [Марченко, Ефимушкин, 2022: 201].

К концу 1940-х гг. в очередной раз происходит корректировка курса вероисповедной политики. Проявившаяся в военные и первые послевоенные годы тенденция к облегчению положения религиозных объединений в СССР к концу 1940-х гг. стала подвергаться ревизии, что более соответствовало атеистическому фундаменту советской системы [Сосковец, 2020: 52]. После 1948 г. полностью прекращается регистрация религиозных объединений по всему СССР. Среди причин такого решения исследователи называют неудачи РПЦ МП на внешнеполитической арене, начало холодной войны. В период 1945–1948 гг. со стороны советской власти и РПЦ МП предпринимались попытки создания мирового религиозного центра в Москве, предполагавшие противостояние со Святым Престолом [Васильева, 2004: 90–91]. Кроме того, со стороны РПЦ МП предполагался перевод в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, поддержка христианскими конфессиями режимов «народной демократии» в странах Восточной Европы. Неудачи переговорных процессов и начало холодной войны привели к переориентации внешней политики РПЦ МП. С этого времени советская власть, учитывая всю ограниченность использования церковных представителей на международном поприще, стала отводить им роль участников движения за мир, пропаганду свободы совести в СССР [Шкаровский, 2009: 13].

Еще одной причиной изменения отношения к религиозным объединениям в конце 1940-х гг. стала общая тенденция борьбы с инакомыслием, в очередной раз набирающая силу. Проводившиеся политически ангажированные кампании, затрагивающие как партийную верхушку («Ленинградское дело»), так и общественные организации («Еврейский антифашистский комитет»), влекли за собой усиление идеологических установок, запугивание номенклатуры, рост антисемитизма [Хлевнюк, Горлицкий, 2011]. В результате религиозные объединения, представляющие определенную мировоззренческую оппозицию советскому режиму, также привлекали повышенное внимание со стороны советских и партийных органов. Критика «низкопоклонства перед Западом» в науке и культуре создавала атмосферу, в которой любая религиозная деятельность, имевшая международные связи, рассматривалась как потенциально враждебная советскому строю [Пихоя, 2000: 58–61; 68–78].

К тому же происходит смещение центра принятия политических решений. Все большую роль (особенно после XIX съезда партии) в советской политике начинает играть идеологический компонент, представленный линией ЦК ВКП(б) (с 1952 г. — ЦК КПСС). Вопросы идеологии, в том числе и антирелигиозной борьбы, переходят в ведение более догматичного партийного аппарата, оттесняя на второй план государственные органы (например, Совет по делам религий при СМ СССР и Совет по делам религиозных культов при СМ СССР), которые могли действовать более гибко. В 1947 г. решением ЦК ВКП(б) создается Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которому в числе прочих передавались функции Союза воинствующих безбожников. Осенью 1948 г. в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М. А. Суслова начинается работа над проектом постановления «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Содержание документа говорило о стремлении идеологических структур партии поставить под контроль всю вероисповедную политику советского государства. При этом со сто-

роны секретариата ЦК ВКП(б) всячески критиковалась деятельность Совета по делам РПЦ при СМ СССР [Одинцов, 2014: 360–369]. Несмотря на то что вышеуказанные меры в итоге не нашли своего конкретного воплощения, общий вектор идеологизации политики не мог не сказаться на будущем характере взаимоотношений между религиозными объединениями и властью [Чумаченко, 1999: 124–125].

Как было отмечено выше, после 1948 г. и вплоть до смерти И. В. Сталина полностью прекращается регистрация религиозных объединений и открытие молитвенных зданий. Говоря об общей статистике закрытия православных церквей и молитвенных домов в 1948–1952 гг., исследователи приводят данные о снятии с регистрации 1314 православных церквей и молитвенных домов. И. А. Курляндский приводит данные, что за период 1944–1948 гг. были официально открыты 1290 молитвенных зданий¹. Таким образом, в годы «нового курса» руководство СССР больше закрыло церквей, чем официально открыло. Схожий вектор вероисповедной политики наблюдался и в отношении конфессий, деятельность которых была подотчетна Совету по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР [Курляндский, 2019б: 297–303]. При этом более 80% подаваемых ходатайств было отклонено либо не рассмотрено [Курляндский, 2015: 522].

Таким образом, вероисповедную политику периода второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. нужно воспринимать в контексте общего политического курса поздних лет правления И. В. Сталина. Система с присущим ей прагматизмом использовала потенциал религиозных объединений для решения конкретных политических задач. Период «нового курса» был сложным и неоднозначным этапом в государственно-конфессиональных отношениях. Восстановление религиозной жизни и религиозных структур шло рука об руку с усилением контроля за их деятельностью со стороны партийных и государственных органов. Создаваемая нормативно-правовая база середины 1940-х гг. входила в противоречие с генеральной линией советской вероисповедной политики, показывая временность и утилитарность принимаемых решений и очерчивая «границы возможного» для религиозных объединений.

В 1948 г. после корректировки внутривластного курса и разочарования в международной деятельности РПЦ МП маятник государственно-конфессиональных отношений вновь качнулся в сторону ужесточения принимаемых мер. В какой-то степени сохранялся «статус-кво», который сложился в 1943–1948 гг. Можно сказать, что религиозные объединения так или иначе не стали полноправной частью советского общества. Руководство страны всеми силами старалось удержать религиозную деятельность в стенах храмов и молитвенных домов и не допустить влияния на советское общество. Однако нельзя не отметить, что, несмотря на контроль, легализация позволила тысячам верующих, особенно в сельской местности и среди уязвимых групп населения (эвакуированные, женщины, пожилые), легально удовлетворять свои религиозные потребности, что стало важным социальным стабилизатором в тяжелое послевоенное время.

¹ В данном случае историк не учитывает свыше трех тысяч бывших униатских церквей, перешедших в 1946–1949 гг. в Русскую Церковь из западных областей и Закарпатья Украины, считая, что их открытие обусловлено в первую очередь политической целесообразностью борьбы с влиянием Ватикана.

Восстановление православной традиции Бурятии в послевоенный период

Первые православные храмы на территории Бурятии появились в XVII в. В 1648 г. была построена Преображенская церковь в Баргузинском остроге, в 1665 г. — Спаская церковь в Селенгинском остроге, в 1679 г. — Покровская церковь в Тункинском остроге. В дальнейшем помимо церковного строительства осуществлялось и учреждение монастырей, которые стали важным фактором для хозяйственного освоения территории [Жарникова, 2009: 294]. В XIX в. православная традиция в Бурятии получает дальнейший импульс к развитию, связанному с активной миссионерской деятельностью. Активное распространение православия часто сталкивалось с глубокими устоями шаманизма и буддизма у бурят. Результатом стало уникальное религиозное многообразие региона, где относительно мирно сосуществовало православие, буддизм и шаманизм [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 393, 395]. К началу XX в. в Бурятии (включая территорию Читинской области) действовало 287 церквей, четыре монастыря [Митыпова, 2005: 112].

Установление советской власти в Бурятии повлекло за собой изменение отношения к действующим здесь религиозным объединениям. Если ко времени образования Бурят-Монгольской АССР в мае 1923 г. на ее территории действовали 44 дацана, 211 православных храмов, 81 старообрядческий молитвенный дом, 7 иудейских синагог, 6 мусульманских мечетей, 5 баптистских общин, католический костел, то к середине 1930-х гг. большая часть храмов и молитвенных домов были закрыты или разрушены [История Бурятии..., 2011: 126].

Во время Великой Отечественной войны в Бурят-Монгольской АССР фиксируется активизация религиозной деятельности всех конфессий. Оставшиеся на свободе шаманы и буддийские ламы проводили массовые обряды под открытым небом, совершали ритуалы в частном порядке. Создание Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов было призвано поставить проявления нелегальной религиозности под государственный контроль. Общины, которые не желали встраиваться в советскую систему государственно-конфессиональных отношений, автоматически становились нарушителями советского законодательства.

В 1944–1945 гг. православные верующие г. Улан-Удэ начинают предпринимать действия по открытию Вознесенской церкви. В 1945 г. церковный актив подает ходатайство в СНК Бурят-Монгольской АССР, 6 мая 1945 г. высший исполнительный орган республики удовлетворяет данное прошение [Постановление № 190 Совнаркома БМАССР..., 2001: 150]. Спустя месяц данное решение утверждается в Совете по делам РПЦ при СНК СССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 31а]. Однако, несмотря на положительное решение вышестоящих инстанций, само религиозное объединение начнет функционирование лишь в декабре 1945 г. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В следующем 1946 г. разрешается открытие православной церкви в приграничном с Монголией г. Кяхта [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 32; Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В 1940–1980-е гг. православные приходы, функционировавшие на территории Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской (с 1958 г. — Бурятской) и Якутской АССР, входили в состав Иркутской епархии, восстановленной в 1948 г. [Смолина, 2010; Цыремпилова, 2017].

Помимо религиозных объединений, получивших легальный статус, православные верующие Бурятия подавали и другие ходатайства, которые не были удовлетворены (табл). Имеются сведения о ходатайствах четырех групп верующих об открытии церквей в с. Читкане, д. Усть-Баргузин Баргузинского аймака, а также в с. Кударе Байкало-Кударинского аймака, д. Каленово Иволгинского аймака [Цыремпилова, Злыгостева, 2010: 59] Рассматривая всю совокупность подаваемых прошений об открытии молитвенных зданий, можно отметить, что доля православных в этом отношении была небольшой. Их основная часть касалась буддийской конфессии. При этом с каждым годом снижается количество поданных ходатайств, что в целом характеризует реалии советской вероисповедной политики тех лет [Степанов, 2015: 597–598]. Формальными причинами для отказа могли выступать занятость церковных зданий под общественные нужды, фальсификация подписей при подаче ходатайств, а также наличие церкви в соседнем районе [Горбатов, 2008: 122–123]. Государственные органы в период 1945–1946 г. зарегистрировали основные религиозные объединения, сосредоточив в них всю религиозную жизнь в республике. Дальнейшее удовлетворение ходатайств, с точки зрения властных органов, могло привести к росту религиозности населения.

**Данные о поданных ходатайствах об открытии православных церквей
в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1949 гг.²
Data on Petitions Submitted for the Opening of Orthodox Churches
in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1949**

	Поступило					Результаты рассмотрения			
	1945	1946	1947	1948	1949	Всего	Удовлетворено	Отклонено	Без рассмотрения
РПЦ МП	1	2	2	1	—	6	2	2	2
Все конфессии	23	17	10	1	—	51	25	23	3

Определенная сложность исторического изучения дальнейшей деятельности религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР связана с небольшим количеством имеющихся источников. Как следовало из логики советской вероисповедной политики исследуемого периода, контроль за деятельностью религиозных объединений РПЦ МП должен был осуществлять уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК Бурят-Монгольской АССР, однако такой должности в Бурятии создано не было [Дроботушенко, Ланцова, Камнева, Сотников А. А., Сотников С. А., 2021: 34]. Кадровая проблема стала одной из центральных для работы новообразованного органа. Приоритет в назначениях уполномоченных отдавался освобожденным от немецкой оккупации регионам [Одинцов, Чумаченко, 2013: 148]. При этом должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК БМАССР, занимавшегося делами всех остальных общин, была введена еще в 1944 г. [Ахмадулина, 2025: 131]. Данное положение дел говорит о первоочередной важности работы с буддийской конфессией, которая получает институциональное оформление в 1945–1946 гг.

² Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 106–107].

В 1946 г. создается Временное Центральное Духовное Управление Буддистов, юрисдикция которого распространялась на весь СССР [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006: 20]. Схожая ситуация наблюдалась в Тувинской АО, где по причине отсутствия уполномоченного Совета по делам РПЦ его обязанности выполнял уполномоченный Совет по делам религиозных культов [Дашковский, Монгуш, 2023: 1162]. Существовала и противоположная ситуация. Например, в Псковской области, где в период немецкой оккупации было открыто большое количество церквей РПЦ МП, не было учреждено должности уполномоченного Совета по делам религиозных культов, хотя группы, подлежащие регулированию данной инстанцией, существовали [Кормина, 2008: <https://clck.ru/3S59Jy>].

К тому же послевоенное движение за восстановление РПЦ МП на территории Бурятии было сосредоточено вокруг вышеназванных зарегистрированных храмов, не имея широкого ареала распространения на территории Бурятии, в то время как буддийские, шаманские и старообрядческие группы появлялись практически на всей территории республики, что объясняет необходимость более плотного контроля за их деятельностью со стороны уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК БМАССР. Лишь в некоторых случаях уполномоченный Совет по делам религиозных культов при СМ БМАССР по просьбе вышестоящих органов предоставлял небольшую информацию о действующих в Бурят-Монголии православных церквях. Важной задачей для всех уполномоченных стало разрешение возникающих конфликтов внутри религиозных объединений, а также рассмотрение жалоб и писем верующих [Гераськин, 2011: 50].

Одними из самых распространенных конфликтных ситуаций в послевоенное время стало противостояние между настоятелями, церковными советами и паствой, в основном связанное с хищением средств [Леонтьева, 2015: 12]. Так, в 1948 г. уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР Н. Г. Гармаевым описывался внутрицерковный конфликт, возникший между членами церковного совета и верующими Вознесенской церкви г. Улан-Удэ. В основе лежали финансовые злоупотребления и контроль над значительными денежными потоками общины. Верующие неоднократно жаловались на превышение должностных полномочий, но их сигналы игнорировались руководством храма (старостой и настоятелем). На общем собрании в присутствии более трехсот прихожан отчет старосты был признан неудовлетворительным. Открытым голосованием была избрана ревизионная комиссия для проверки и новый состав церковного совета, который был зарегистрирован уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР Н. Г. Гармаевым. Однако староста и настоятель отказались признать результаты собрания, уклонились от ревизии и передачи дел, организовав сбор подписей под жалобами в вышестоящие инстанции и обвиняя новоизбранный совет в «расколе» и незаконности, а уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР и светские власти — во вмешательстве во внутренние дела церкви. В документах фиксируются случаи коррупции и подкупа со стороны старосты и настоятеля для сокрытия фактов финансовой неадекватности [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 3–15]. В итоге Совет по делам РПЦ при СМ СССР воспринял действия уполномоченного Совета

по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР как вмешательство во внутренние дела церкви. Разрешением ситуации должна заниматься сама община совместно с архиепископом. Расследование финансовых недостатков предлагалось поручить прокуратуре [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 1].

В данном случае наблюдается явное противоречие между светской и религиозной сторонами. Представители церковного актива ставили под сомнение правомочность собрания, ссылаясь на церковные каноны и отсутствие благословения архиерея, в то время как государственная власть и миряне настаивали на соблюдении советского законодательства о религиозных культах и принципов открытого голосования. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР, как представитель государства, признает легитимным именно советский правовой порядок.

Интерес в данном случае представляет личность церковной старосты. В рассматриваемом документе она представлена как «хищная, наглая, коррумпированная особа», манипулирующая священниками. Для верующих и клира она несомненный авторитет, так как именно благодаря ее деятельности религиозное объединение Вознесенской церкви в 1945 г. получило регистрацию. В течение конфликта со стороны старосты наблюдается постепенный перевод финансового спора в идеологическую плоскость «борьбы с расколом» и «защиты канонического порядка». К тому же ей удавалось вовлечь в конфликт и вышестоящие инстанции (архиепископ Варфоломей) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 3–15].

Характерно, что именно в послевоенный период женская часть населения стала играть большую роль в церковной жизни. В послевоенное время по большей части, именно женщины подавали ходатайства о регистрации и становились старостами [Белякова, 2011: 435]. Среди причин, объясняющих данное явление, отмечается то, что значительная часть мужского населения СССР, находясь в центре общественно-политических процессов первой половины XX в. (войны, репрессии 1930-х гг.), была физически уничтожена [Сосковец, 2004: 64]. Помимо этого, большие усилия советского государства в области антирелигиозной пропаганды были направлены на формирование негативного образа «религиозности с женским лицом», воспринимаемого как слабость, что делало религию непривлекательной для мужского населения [Белякова, Добсон, 2015: 45].

В 1949 г. община Вознесенской церкви г. Улан-Удэ занималась незаконным изготовлением и сбытом крестиков в ряде аймаков Бурят-Монгольской АССР. Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР формируется досье для отстранения священнослужителя от должности. Предлогом для принятия данного решения стала, во-первых, информация о имеющейся у священника судимости, которую он сокрыл при регистрации. Во-вторых, священник был «нелояльно» настроен по отношению к советской власти, о чем сообщил уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР второй клирик церкви. Антисоветскими были признаны произнесенные во время проповеди слова: «За здоровье людей, гонимых за веру». В итоге Совет по делам РПЦ при СМ СССР согласился с увольнением священника [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459. Л. 1–5]. Данный

пример подтверждает тезис о том, что на местах процесс легализации религии в послевоенное время осуществлялся с опорой на лояльных к советской власти религиозных деятелей. Они в какой-то степени сами являлись проводниками советской вероисповедной политики, проявляя конформистскую позицию к новым условиям существования религии в СССР. Данное обстоятельство, несомненно, играло на руку советской власти, которой с опорой на таких деятелей удалось узаконить религиозные объединения в послевоенном советском государстве, устранив в них идеологического оппонента [Савин, 2019: 36–37]. Однако надо признать, что, несмотря на повсеместно фиксируемые случаи сотрудничества религиозных деятелей и государственных органов, мотивировка такой деятельности в каждом конкретном случае могла варьироваться (подробнее см.: [Беглов, Белякова, 2022]).

Примечательно, что на этот раз, описывая ситуацию в Вознесенской церкви, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР подчеркивал свое принципиальное невмешательство в дела религиозной общины, опасаясь недовольства со стороны Совета по делам РПЦ при СМ СССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459. Л. 1–5]. Отстранения священников за «чрезмерно активную в религиозном плане деятельность» или антисоветскую позицию наблюдались и в других регионах Сибири [Горбатов, 2008: 133].

В 1950 г. на имя уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР потупил ряд жалоб от группы православных верующих г. Улан-Удэ. Содержание заявлений касалось вопросов внутренней жизни Вознесенской церкви [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 166–167].

Конфликты могли происходить не только между представителями исполнительных органов и прихожанами, но и внутри клира. Так, в 1951 г. настоятель Вознесенской церкви обратился к прокурору Пригородного района г. Улан-Удэ с жалобой на псаломщика. Суть заявления сводилась к тому, что псаломщик якобы готовит покушение на жизнь священника, а также распространяет слухи о его «агентурной деятельности», мотивируя это еврейской национальностью последнего [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 16–17]. Данный случай говорит о том, что церковные споры решались не канонически (внутри церкви), а в светских правоохранительных органах. Это подчеркивает подчинение церкви государству и отсутствие у нее реальной внутренней юрисдикции. К тому же атмосфера антисемитизма и доносительства, которой был пронизан период конца 1940-х — начала 1950-х гг., также играла роль для возможных обвинений на основании национальной принадлежности [Кострыченко, 2010].

Анализируя описанные случаи, можно заключить, что в послевоенный период ситуация в церкви Вознесения г. Улан-Удэ не была стабильной. Возникающие конфликтные ситуации в основном связывались с разделением бюджета. При этом имели место конфронтация верующих и руководства церкви, складывание определенных коалиций, наличие коррупционных механизмов. Можно согласиться с некоторыми исследователями, которые видят в деятельности уполномоченных стереотип нового формата государственного чиновника, способного, с одной стороны, легализовать религиозную деятельность, а с другой — вмешиваться в дела религиозных объединений, диктовать условия [Марченко, Чумаченко, 2017: 543].

Обрядовая и финансово-хозяйственная деятельность религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР

Одним из самых крупных таинств, проводимых религиозными объединениями РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР, была Пасха. Традиция празднования Пасхи в СССР оказалась одной из самых устойчивых, повсеместно наблюдаясь во второй половине XX в. [Горбатов, 2024: 747]. Проведение Пасхи неприменно влекло за собой рост религиозной активности населения [Белоусов, 2016: 143]. Так, в 1951 г. в период пасхальных торжеств доход церквей РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР составил 41 356 руб. (Вознесенская церковь г. Улан-Удэ) и 4300 руб. (Успенская церковь г. Кяхта) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 299–300]³. Наличие на территории республики лишь двух действующих религиозных объединений РПЦ МП провоцировало верующих совершать паломничества в Улан-Удэ и Кяхту [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 300]. Причины роста числа верующих на пасхальных богослужениях объяснялись уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР совпадением дат религиозных праздников с советскими торжествами (1 и 9 мая) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 301]. Однако в Бурят-Монгольской АССР в послевоенный период самым посещаемым праздником являлось крещение, что наглядно отражено на рисунке 1.

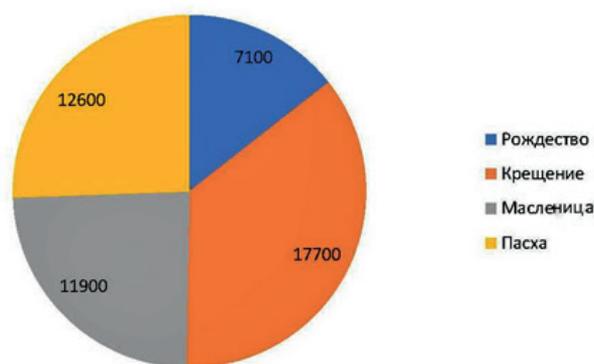

Рис. 1. Процентное распределение посещений праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период⁴

Fig. 1. Percentage Distribution of Attendance at Religious Holidays in the Ascension Church, Ulan-Ude, in the Post-War Period

В данном случае интересно указание Масленицы в качестве православного праздника. Среднее количество ее посещений было практически наравне с Пасхой. Таким образом, Масленица прочно удерживала свои позиции как важнейший культурно-народный праздник. В дальнейшем в ходе трансформации религиозной обрядности в социалистическую Масленица будет заменена на «Проводы русской зимы», исключая из него религиозный компонент [Смолкин, 2021].

³ В данную сумму не входят персональные пожертвования клиру, так как они не фиксировались исполнительными органами храма.

⁴ Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 102].

Рассматривая динамику посещений православных праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период, можно заметить плавное ежегодное их снижение (рис. 2). Данную ситуацию можно объяснить общей тенденцией ужесточения вероисповедной политики к концу 1940-х гг. К тому же необходимо принимать во внимание, что уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР мог намеренно занижать количественные данные для доказательства постепенного отмирания религии на территории региона.

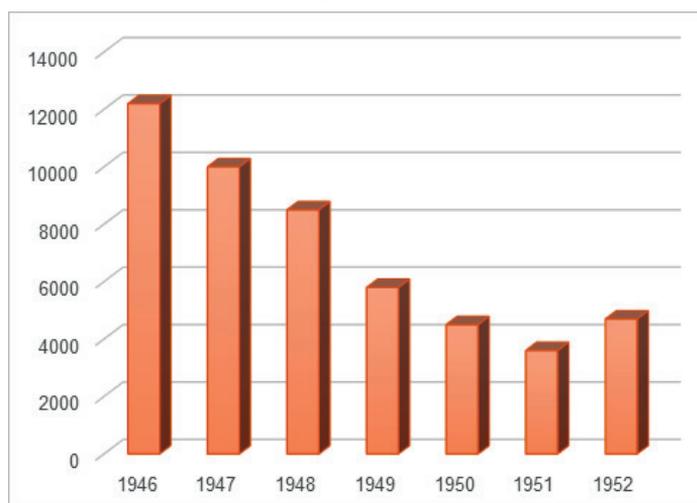

Рис. 2. Динамика посещений основных праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период, чел.⁵

Fig. 2. Dynamics of Attendance at Major Holidays in the Ascension Church, Ulan-Ude, in the Post-War Period, in persons

Клир рассматриваемых православных церквей в силу объективных условий был немногочисленным и претерпевал частую ротацию. В 1950 г. в храме Вознесения г. Улан-Удэ служили три священника, а в Успенской церкви г. Кяхта — один [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В архивных документах имеется интересная информация, связанная с наличием «бродячих священников» на территории г. Улан-Удэ [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 300; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 100]. Данные представители составляли большую социальную группу служителей культа, наблюдаемую по всему СССР во многих конфессиях. Как правило, это были люди, которые не хотели встраиваться в структуру советской вероисповедной политики, уклонялись от уплаты налогов [Беглов, 2008: 145; Гусева, 2013; Старостин, Ярко, 2020; Халидова, 2017: 17; и др.]. На территории Сибири известны целые приходы, которые продолжали функционировать, несмотря на отсутствие регистрации [Горбатов, 2008: 118].

Священники религиозных объединений после регистрации облагались подоходным налогом. В целом в первые годы обозначенного «нового курса» наблюдается некото-

⁵ Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 102]

рое смягчение фискальной политики по отношению к религиозным деятелям. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. подоходным налогом облагались не сами религиозные организации и объединения, а лица, получающие от них те или иные доходы [О подоходном налоге с населения..., 1943]. В постановлении СМ СССР «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» от 3 декабря 1946 г. конкретно указывалось, из чего складывается доход священнослужителя, который должен облагаться подоходным налогом. Оговаривались те формы дохода, которые облагаться налогом не могли [Чумаченко, 2008: 143]. Обложением налогами священнослужителей на местах занимались специальные фининспекторы. Нормативно-правовые акты наделяли должностных лиц финансовых органов правом проверки документов в религиозных организациях и беспрепятственного входа в помещения, где ведутся ритуалы, а также проверки относящихся к этим действиям документов и осмотра запасов сырья, материалов и готовых изделий предметов религиозных культов [Гольст, 1975: 65].

Анализируя данные рисунка 3, можно сделать вывод, что процентная ставка налога для священнослужителей росла из года в год, дойдя до 36% в 1952 г. Можно предположить, что данная ситуация связана с общим ужесточением вероисповедной политики после 1948 г. Уполномоченные Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР, объясняя эту ситуацию, писали об улучшении налогового учета со стороны финансовых органов, что позволяло взимать большую сумму. Несмотря на чрезмерную фискальную нагрузку, уже лежащую на клире, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР выступал с инициативой по увеличению сумм взимаемых сборов [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 270].

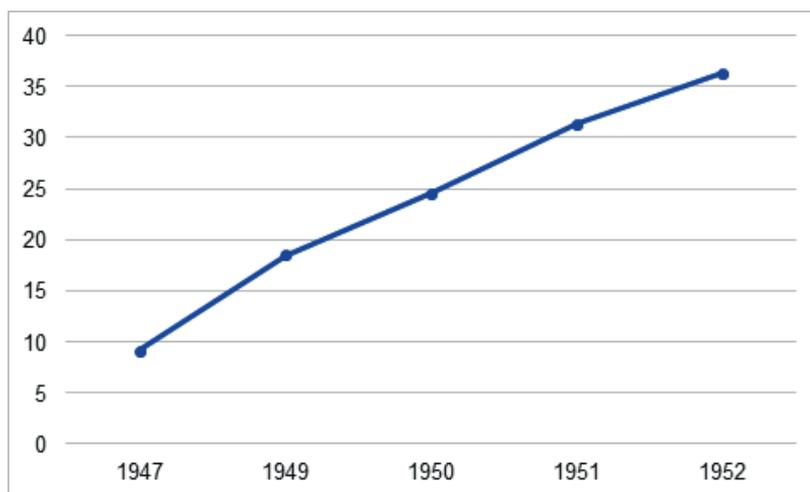

Рис. 3. Динамика процентной ставки для православных священников Бурят-Монгольской АССР в 1947–1952 гг.⁶

Fig. 3. Dynamics of the Tax Rate for Orthodox Priests in the Buryat-Mongolian ASSR, 1947–1952

⁶ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 541, 542.

Духовенству, обслуживающему персоналу храмов и верующим приходилось участвовать в приобретении облигаций государственного займа по восстановлению и развитию народного хозяйства. Данный жест, с одной стороны, был удобным механизмом для подрыва финансовой базы религиозных объединений, а с другой — являлся наглядным выражением политической лояльности к советскому строю [Бердникова, 2011: 451]. Например, в 1951 г. Вознесенской церковью г. Улан-Удэ на эти цели было потрачено 25,2 тыс. руб. Большую часть этой суммы (15 тыс. руб.) внесли прихожане. Успенская церковь г. Кяхты в этот же год приобрела облигации на сумму 2,6 тыс. руб. В 1952 г. Вознесенская церковь внесла уже 39,4 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 98]. При этом внесенная некоторыми священниками сумма (1,5 и 2 тыс. руб.), по мнению властей, была недостаточной. После беседы с председателем райсовета священниками было потрачено на эти цели еще по 500 руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 99]. Представители государственной власти обязывали священнослужителей использовать проповеди для стимулирования участия верующих в подписке на государственный заем [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 28]. Обязательным для священников было участие в выборах. За этим также следил уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 17].

После смерти И. В. Сталина и общего «потепления» общественно-политического курса в 1950-х гг. православие на территории Бурятии получило импульс к развитию. Временной отрезок 1955–1957 гг. воспринимается исследователями советской вероисповедной политики как относительно стабильный для существования религиозных объединений. Некоторые исследователи характеризуют его в качестве «самого благоприятного периода для РПЦ после 1947 г.», приводя доводы об увеличении числа священников и паломников, а также о возрастающем желании поступать в духовные учебные заведения со стороны граждан [Шкаровский, 2010: 354]. В это время проблемы государственно-конфессиональных отношений были отодвинуты на второй план более насущными проблемами, связанными с внутренней и внешней политикой [Чумаченко, 1999: 162–163]. В данном случае важно отметить принятое 17 февраля 1955 г. постановление СМ СССР «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». Документ разрешал Совету по делам РПЦ при СМ СССР и Совету по делам религиозных культов при СМ СССР в упрощенном порядке регистрировать религиозные объединения, вводя их деятельность в легальное поле [Беглов, 2008: 240–241; Дашковский, Зиберт, 2020: 77]. Церковный историк Г. Н. Митрофанов называет данный временной промежуток «церковной оттепелью» по аналогии с оттепелью политической [Митрофанов, 2021: 521].

В Бурят-Монгольской АССР православные приходы в это время находились в состоянии развития. За 1957 г. доходы Вознесенской церкви г. Улан-Удэ составили 771 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 11]. В дни больших праздников для всех прихожан в Вознесенской церкви не хватало места [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 29]. Верующие неоднократно пытались добиться передачи им в пользование Одигитриевского собора в г. Улан-Удэ, в котором на тот момент находился краеведческий музей. При положительном решении вопроса они обязывались провести в Одигитриевском соборе ремонт, так как его здание, по их мнению, находилось в запущенном состоянии [Заяв-

ление членов приходского совета..., 2001: 158–159]. Однако прошения не были удовлетворены властями из-за невозможности переноса фондов музея в другое здание [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 29; Д. 548. Л. 12]. В связи с ужесточением вероисповедной политики после 1858 г. Успенская церковь в г. Кяхта была закрыта. Церковь Вознесения в г. Улан-Удэ останется единственным действующим православным храмом республики вплоть до периода «перестройки» [Дашковский, Траудт, 2025].

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что положение религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР в период реализации т. н. «нового курса» советской вероисповедной политики (вторая половина 1940-х — первая треть 1950-х гг.) являлось отражением общей системы государственно-конфессиональных отношений в позднесталинском СССР. С формальной точки зрения, либерализация 1943–1945 гг., инициированная встречей иерархов РПЦ с И. В. Сталиным, создала прецедент для частичного восстановления религиозной жизни. В контексте Бурят-Монголии это выразилось в регистрации двух приходских общин (в г. Улан-Удэ и г. Кяхта), которые приобрели статус официально действующих православных центров на территории республики. Данная мера, с одной стороны, позволила поставить под контроль религиозные запросы части населения в контролируемое правовое поле, выполняя тем самым стабилизирующую функцию в послевоенный период. При этом сам процесс легализации носил избирательный и ограничительный характер.

Характерно, что в условиях поликонфессионального бурятского региона с доминирующими традициями буддизма и шаманизма православные общины занимали периферийное положение в системе государственного регулирования. Отсутствие в республике отдельного уполномоченного Совета по делам РПЦ, в отличие от институционализированного надзора за иными конфессиями через уполномоченного Совета по делам религиозных культов, свидетельствует о второстепенности православного вопроса в повестке местных властей, сосредоточенных на контроле над преобладавшими буддийскими, шаманскими и старообрядческими группами. Деятельность легализованных приходов демонстрирует их существование в условиях перманентного внешнего контроля и внутренней конфликтности. Постоянный рост налоговой нагрузки на служителей культа после 1948 г. выступал еще одним экономическим рычагом давления и ограничения для деятельности.

Таким образом, можно утверждать, что «новый курс» в отношении православия в Бурят-Монгольской АССР не означал подлинной либерализации государственно-конфессиональных отношений или отказа от стратегической цели построения атеистического общества. Православная традиция в регионе, лишенная в предшествующие десятилетия основной части своей инфраструктуры и социальной базы, получила крайне узкие и неустойчивые возможности для легального существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадулина Ж. В. Деятельность Советского государства по созданию и развитию Совета по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР: Совете Министров СССР в 1944–1965 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2025. 329 с.

Ахмадулина Ж. В. Становление деятельности центрального аппарата Совета по делам религиозных культов: первые трудности и пути их преодоления // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. № 15. С. 325–342. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Заключение // *Церковь — общество — власть: религиозные процессы в современной Бурятии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 215–221.

Беглов А. А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Арефа, 2008. 352 с.

Беглов А. А., Белякова Н. А. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве: механизмы коллаборации, стратегии выживания, источники // *История*. 2022. Т. 13, вып. 6. <https://doi.org/10.18254/S207987840021686-3>

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 г.). Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. 342 с.

Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. 512 с.

Белякова Е. В. Верующая женщина в советское время // *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле, 2011. С. 426–468.

Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // *Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции*. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 451–463.

Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор: факты, события, документы. М: Лепта, 2004. 382 с.

Гераськин Ю. В. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви: исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // *Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 48–59.

Гольст Г. Р. Религия и закон. М: Юридическая литература, 1975. 109 с.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 406 с.

Горбатов А. В. Празднование Пасхи: тревоги советского государства (середина 1940-х — середина 1980-х годов) // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 3. С. 737–750. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.313>

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 541.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 543

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.

Гусева Ю. Н. Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950–1960-е годы как проявления «Неофициального ислама» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 36–43.

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 153 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 5).

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг.: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 5. С. 1152–1166. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166>

Дашковский, П. К., Траудт Е. А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 1. С. 227–255. [https://doi.org/10.14258/nreur \(2025\) 1-13](https://doi.org/10.14258/nreur (2025) 1-13)

Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Штаты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в середине 1940-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 29–40. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-4>

Жарникова С. С. Православные монастыри в истории и культуре Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 291–294.

Жиромская В. Б., Киселев В. И.; Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Все-союзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

Заявление членов приходского совета православной общины г. Улан-Удэ о Совмин РСФСР о передачи здания бывшего Одигитривского собора верующим города // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сборник документов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. С. 159–159.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. 464 с.

Кормина Ж. В. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://clck.ru/3S59Jy>

Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 415 с.

Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века). СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 344 с.

Курляндский И. А. Вклад Русской Православной Церкви в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны, Дюссельдорф, 05–07 декабря 2017 года. Дюссельдорф: Политическая энциклопедия, 2019а. С. 321–344.

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.): исторические очерки. СПб.: Петроглиф, 2019б. 375 с.

Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 255–284.

Курляндский И. А. Политика сталинской власти в отношении открытия православных церквей в СССР в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 519–526.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 701 с.

Леонтьева Т. Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 6–16.

Лютко Е. О природе вневременности. Взгляд на положение Православной церкви в позднем СССР // Логос. 2025. № 6. 267–296.

Марченко А. Н., Ефимушкин П. А. Приходская реформа 1961 года и реакция на нее епископата Русской Православной Церкви // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2022. № 37. С. 199–210.

Марченко А. Н., Чумаченко Т. А. Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченными по Молотовской области // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 4. С. 531–549. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-531-549>.

Митрофанов Г. Н. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021. 528 с.

Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 231 с.

Митыпова, Г. С. Православная церковь Бурятии в условиях модернизации российского общества (XX–XXI вв.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2014. 175 с.

О подоходном налоге с населения: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. М.: Гос. изд-во мест. пром-сти РСФСР, 1944. Вып. 4–9. 13 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 317 с.

Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб.: Российское общество исследователей религии, 2013. 384 с.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 678 с.

Постановление № 190 Совнаркома БМАСССР об открытии Заудинской Вознесенской православной церкви в г. Улан-Удэ // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век.: Сб. док. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. С. 150.

Постановление Совета народных комиссаров СССР № 1325. О порядке открытия церквей // Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в двух частях. Часть II: XX — начало XXI века. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 105–107.

Приложение к постановлению № 1603 СНК СССР от 19 ноября 1944 г. Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» // Москва Победная. 1941–1945: Арх. док. и материалы. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. С. 603–604.

Роккуччи А. Сталин и патриарх: православная церковь и советская власть, 1917–1958 М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.

Савин А. И. «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 28–32. <https://doi.org/10.15372/HSS20180405>

Савин А. И. Советское государство и религиозные организации: от политики «разделяй и властвуй» к политике «объединяй и властвуй» // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 31–38.

Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 26 с

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое Литературное Обозрение, 2021. 547 с.

Сосковец Л. И. 1948 год в конфессиональной политике государства и жизнедеятельности религиозных организаций в СССР // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 47–53. <https://doi.org/10.17223/19988613/67/7>

Сосковец Л. И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 1. С. 310–322

Сосковец Л. И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник ТГУ. 2004. № 281. С. 62–65.

Старостин А. Н., Ярков А. П. «Бродячие» муллы в Сибири и на Дальнем Востоке в аспекте взаимоотношений государства, уммы и её лидеров // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 13–17.

Статистический ежегодник. 2025. Статистический сборник. Улан-Удэ: Бурятстат, 2025. 372 с.

Степанов А. Ф. Казанская епархия и местная власть в 1944–1952 гг. (по отчетам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 595–604.

Халидова О. Б. Вероисповедная политика Советского государства и мусульмане Дагестанской АССР в новых условиях послевоенного времени (1950–1965 гг.) // Религиоведение. 2017. № 1. С. 16–22. <https://doi.org/1022250/2072-8662.2017.1.16-22>

Хлевнюк О. В. Архивная революция и новые источники для изучения массовых настроений в СССР. Начало пути // История СССР и России: Архивная революция: научный сборник памяти В. А. Козлова. М.: Модест Колеров, 2025. С. 10–21.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 229 с.

Цыремпилова И. С. История Успенской церкви г. Кяхта во второй половине XX в. (по материалам Государственного архива Республики Бурятия) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2014. С. 383–390.

Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2. С. 37–43.

Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (Совета по делам религий) в 1940-х — 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.

Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 15. С. 138–149.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. Вече, Лепта, 2010. 478 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 399 с.

Шкаровский М. В. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 27. С. 1–27.

References

Akhmadullina Zh. V. *Deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po sozdaniyu i razvitiyu Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Narodnykh Komissarov SSSR: Sovete Ministrov SSSR*

v 1944–1965 gg. *Diss. kand. ist. nauk* [The activity of the Soviet state in the creation and development of the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR: Council of Ministers of the USSR in 1944–1965. Ph. D. Thesis of Historical Sciences]. Penza, 2025, 329 p. (In Russian).

Akhmadullina Zh. V. Stanovlenie deyatelnosti tsentral'nogo apparata Soveta po delam religioznykh kul'tov: pervye trudnosti i puti ikh preodoleniya [The formation of the activities of the central office of the Council for Religious Cults: the first difficulties and ways to overcome them]. *Minbar. Islamic Studies*. 2022, no. 15, pp. 325–342 (In Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

Batomunkuev S. D., Varnavskii P. K. Zaklyuchenie [Conclusion]. *Tserkov' — obshchestvo — vlast': religioznye protsessy v sovremennoi Buryatii* [Church — society — power: religious processes in modern Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2016, pp. 215–221 (in Russian).

Beglov A. L. *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR]. Moscow: Arefa, 2008, 352 p. (In Russian).

Beglov A. L., Belyakova N. A. Spetssluzhby i religioznye organizatsii v Sovetskom gosudarstve: mekhanizmy kollaboratsii, strategii vyzhivaniya, istochniki [Special services and religious organizations in the Soviet State: mechanisms of collaboration, survival strategies, sources]. *Istoriya* [History]. 2022, vol. 13, iss. 6 (In Russian) <https://doi.org/10.18254/S207987840021686-3>

Belousov S. S. *Gosudarstvennaya religioznaya politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniya v gody sovetskoi vlasti (oktyabr' 1917–1991 g.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Ehlista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016, 342 p. (In Russian).

Belyakova E. V. Veruyushchaya zhenshchina v sovetskoe vremya [A religious woman in Soviet times]. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika* [A woman in Orthodoxy: Church law and Russian practice]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011, pp. 426–468 (in Russian).

Belyakova N. A., Dobson M. *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in the Evangelical communities of the post-war USSR. 1940–1980s. Research and sources]. Moscow: Indrik, 2015, 512 p. (In Russian).

Berdnikova T. B. *Stalinskie poslevoennye zaimy: direktivy i zhizn'* [Stalin's Post-War Loans: Directives and Life]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 451–463 (in Russian).

Chumachenko T. A. *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961* [The State, the Orthodox Church, and believers. 1941–1961]. Moscow: AIRO-XX, 1999, 246 p. (In Russian).

Chumachenko T. A. *Pravovaya baza gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v 1940-e — pervoi polovine 1960-kh godov: sodержanie, praktika primeneniya, ehvolyutsiya* [The

legal framework of state-Church relations in the 1940s — the first half of the 1960s: content, application practice, evolution]. *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology]. 2008, no. 15, pp. 138–149 (In Russian).

Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. *Buryatskii etnos v imperskoi sisteme vlasti (XIX — nachalo XX v.)* [The Buryat ethnos in the imperial system of power (XIX — early XX centuries)]. Irkutsk: Ottisk, 2020. 740 p.

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. *Sovetskaya i rossiiskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri: monografiya* [Soviet and Russian state-confessional policy in the South of Western Siberia: a monograph]. Barnaul: Alai State University Publishing House, 2022, 153 p. (Ehtnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii. Vyp. 5 [Ethnocultural and religious studies in Eurasia. Issue 5]) (In Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Vliyanie izmeneniya vektora gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR na polozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh gg. [The influence of changes in the vector of state and confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Tuva in the late 1940s — early 1950s]. *Oriental Studies*. 2023, vol. 16, no. 5, pp. 1152–1166 (in Russian) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166>

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. Pravoslavnye obshchiny Buryatskoi ASSR v usloviyakh izmeneniya sovetskoi veroispovednoi politiki vo vtoroi polovine 1980-kh — nachale 1990-kh gg. [Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s — early 1990s]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 1, pp. 227–255 (in Russian) [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-13](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-13)

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri v kontse 1917 — seredine 1960-kh gg.: monografiya* [State-confessional policy in the south of Western Siberia in the late 1917 — mid-1960s: monograph]. Barnaul: Alai State University Publishing House, 2020, 140 p. (In Russian).

Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N., Kamneva G. P., Sotnikov A. A., Sotnikov S. A. Shtaty upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi v seredine 1940-kh gg. [Staff of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the mid-1940s] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. The Volga region. Humanities]. 2021, no. 1, pp. 29–40 (in Russian) <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-4>

Geras'kin Yu. V. Upolnomochennyi Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi: istoricheskii portret (na materialakh oblasti Tsentral'noi Rossii) [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church: a historical portrait (based on the materials of the regions of Central Russia)]. *Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: ehvolyutsiya vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [The State and the Church in the 20th century: the evolution of relations, political and socio-cultural aspects. The experience of Russia and Europe]. Moscow: LIBROCOM Book House, 2011, pp. 48–59 (in Russian).

Gol'st G. R. *Religiya i zakon* [Religion and the Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 109 p. (In Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e — 1960-e gody* [The State and religious organizations of Siberia in the 1940s — 1960s]. Tomsk: Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2008, 406 p. (In Russian).

Gorbatov A. V. Prazdnovanie Paskhi: trevogi sovetskogo gosudarstva (seredina 1940-kh — sredina 1980-kh godov) [Easter celebration: the anxieties of the Soviet state (mid-1940s — mid-1980s)]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern History of Russia]. 2024, vol. 14, no. 3, pp. 737–750 (in Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.313>

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 1. File 298 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 1. File 459 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 2. File 20 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 541 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 542 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 543 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 544 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-6991. Inv. 3. File 547 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File. 548 (in Russian).

Guseva Yu. N. Sufiiskie bratstva, “Brodyachie mully” i “Svyatye mesta” Srednego Povolzh'ya v 1950–1960-e gody kak proyavleniya “Neofitsial'nogo islama” [Sufi brotherhoods, “Wandering Mullahs” and “Holy Places” of the Middle Volga region in the 1950s and 1960s as manifestations of “Unofficial Islam”]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2013, no. 2, pp. 36–43 (in Russian).

Istoriya Buryatii: v 3 t. T. 3 [The history of Buryatia: in 3 volumes. Vol. 3]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 464 p. (In Russian).

Khalidova O. B. Veroispovednaya politika Sovetskogo gosudarstva i musul'mane Dagestanskoi ASSR v novykh usloviyakh poslevoennogo vremeni (1950–1965 gg.) [Religious policy of the Soviet state and Muslims of the Dagestan ASSR in the new conditions of the post — war period (1950–1965)]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2017, no. 1, pp. 16–22 (in Russian) <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.16-22>

Khlevnyuk O. V. Arkhivnaya revolyutsiya i novye istochniki dlya izucheniya massovykh nastroyenii v SSSR. Nachalo puti [The Archival Revolution and new sources for studying mass sentiments in the USSR. The beginning of the path]. *Istoriya SSSR i Rossii: Arkhivnaya revolyutsiya: nauchnyi sbornik pamyati V.A. Kozlova* [History of the USSR and Russia: The Archival Revolution: a scientific collection in memory of V.A. Kozlov]. Moscow: Modest Kolerov, 2025, pp. 10–21 (In Russian).

Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury* [The Cold World: Stalin and the End of the Stalinist Dictatorship]. Moscow: Boris Yeltsin Presidential Center, 2011, 229 p. (In Russian).

Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow: New Literary Review, 2024, 432 p. (In Russian).

Kormina Zh. V. Ispolkomy i prikhody: religioznaya zhizn' Pskovskoi oblasti v pervuyu poslevoennuyu pyatiletku [Executive committees and parishes: religious life of the Pskov region in the first post-war five-year plan]. *Neprikosnovennyi zapas* [Inviolable reserve]. 2008, no. 3. URL: <https://clck.ru/3S59Jy> (accessed October 28, 2025) (in Russian).

Kostyrchenko G.V. *Stalin protiv "kosmopolitov": vlast' i evreiskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin against the "cosmopolitans": power and the Jewish intelligentsia in the USSR]. Moscow: Foundation of the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2010, 415 p. (In Russian).

Kurilov V.A. *Sovetskaya model' sekulyarizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraya polovina XX veka)* [The Soviet model of secularization: political and legal regulation of freedom of Conscience in the USSR (the second half of the 20th century)]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2022, 344 p. (In Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vlast' i religiya v gody "Bol'shogo terrora2 (1937–1938 gg.). Po novym arkhivnym dokumentam* [Power and religion during the years of the "Great Terror" (1937–1938). According to new archival documents]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi Akademii Nauk* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 2010, no. 9, pp. 255–284 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Politika stalinskoi vlasti v otnoshenii otkrytiya pravoslavnykh tserkvei v SSSR v 1943–1953 gg.* [The policy of the Stalinist government regarding the opening of Orthodox churches in the USSR in 1943–1953]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference.] Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 519–526 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Stalin, vlast', religiya (religiozniye i tserkovnyye faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, power, religion (religious and ecclesiastical factors in the internal policy of the Soviet state in 1922–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011, 701 p. (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vklad Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v pobedu nad vragom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The contribution of the Russian Orthodox Church to the victory over the enemy during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny, Dyussel'dorf, 05–07 dekabrya 2017 goda* [Soviet home front 1941–1945: everyday life during the war, Dusseldorf, 05–07 December 2017]. Dyussel'dorf: Political Encyclopedia, 2019a, pp. 321–344 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vlast' i religioznye organizatsii v SSSR (1939–1953 gg.): istoricheskie ocherki* [Power and religious organizations in the USSR (1939–1953): historical essays]. St. Petersburg: Petroglif, 2019b, 375 p. (In Russian).

Leont'eva T.G. Tserkovnaya povsednevnost' ehpokhi pozdnego stalinizma v provintsial'nom izmerenii [Church everyday life of the Late Stalinist era in the provincial dimension] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 6–16 (in Russian).

Lyut'ko E. O prirode vnenakhodimosti. Vzgl'yad na polozhenie Pravoslavnoi tserkvi v pozdnem SSSR [On the nature of non-necessity, A look at the position of the Orthodox Church in the late USSR]. *Logos*. 2025, no. 6. 267–296 (In Russian).

Marchenko A.N., Chumachenko T.A. Upravlenie protsessom religioznogo vozrozhdeniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetom po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri Sovete narodnykh komissarov SSSR i ego upolnomochennymi po Molotovskoi oblasti [Management of the process of religious revival during the Great Patriotic War by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR and its commissioners for the Molotov region]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Management)]. 2017, vol. 9, no. 4, pp. 531–549 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-531-549>.

Marchenko A.N., Efimushkin P.A. Prikhodskaya reforma 1961 goda i reaktsiya na nee episkopata Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [The 1961 Parish reform and the reaction of the Episcopate of the Russian Orthodox Church to it]. *Vestnik Ekaterinburgskoi Dukhovnoi Seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2022, no. 37, pp. 199–210 (in Russian).

Mitrofanov G.N. *Ocherki po istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX veka. Tserkov' v gonanii. Tserkov' v plenenii* [Essays on the history of the Russian Orthodox Church of the XX century. The church is being persecuted. The Church in captivity]. Moscow: Praktika, 2021, 528 p. (In Russian).

Mitypova G.S. *Pravoslavie v istorii i kul'ture Buryatii* [Orthodoxy in the history and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005, 231 p. (In Russian).

Mitypova G.S. *Pravoslavnaya tserkov' Buryatii v usloviyakh modernizatsii rossiiskogo obshchestva (XX–XXI vv.)* [The Orthodox Church of Buryatia in the context of modernization of Russian society (XX–XXI centuries)]. Ulan-Ude: Publishing house of the East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2014, 175 p. (In Russian).

O podokhodnom naloge s naseleniya: Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 30 aprelya 1943 g. [About personal income tax. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 30, 1943]. *Kartoteka zakonodatel'nykh i instrukativnykh materialov Narodnogo komissariata mestnoi promyshlennosti RSFSR. 1943 god* [File of legislative and instructional materials of the People's Commissariat of Local Industry of the RSFSR. 1943]. Moscow: State Publishing House of Local Industry of the RSFSR, 1944, iss. 4–9, 13 p. (In Russian).

Odintsov M.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v ehpokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist Socialism. 1917–1953]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, 424 p. (In Russian).

Odintsov M. I., Chumachenko T. A. *Sovet po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri Sovete Narodnykh Komissarov (Sovete Ministrov) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: ehpokha vzaimodeistviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR and the Moscow Patriarchate: the Era of Interaction and Confrontation 1943–1965]. St. Petersburg: Russian Society of Religious Researchers, 2013, 384 p. (In Russian).

Odintsov M. I., Kochetova A. S. *Konfessional'naya politika v Sovetskom Soyuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Confessional politics in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, 317 p. (In Russian).

Pikhoya R. G. *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti, 1945–1991* [The Soviet Union: the History of Power, 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000, 678 p. (In Russian).

Postanovlenie № 190 Sovnarkoma Buryat Mongol'skoi ASSR ob otkrytii Zaudinskoi Voznesenskoi pravoslavnoi tserkvi v g. Ulan-Udeh [Resolution No. 190 of the Council of People's Commissars of the BMASSR on the opening of the Zaudinsky Ascension Orthodox Church in Ulan-Ude]. *Iz istorii religioznykh konfessii Buryatii. XX vek.: Sbornik dokumentov* [From the History of religious denominations of Buryatia. XX century.: Collection of documents]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2001, p. 150 (in Russian).

Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR № 1325. O poryadke otkrytiya tserkvei [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1325. On the procedure for opening churches]. *Nasledie. Vypusk 1: Religiya — obshchestvo — gosudarstvo: instituty, protsessy, mysl'. Kniga 1: Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Rossii (X — nachalo XXI veka): khrestomatiya v dvukh chastyakh. Chast' II: XX — nachalo XXI veka* [Heritage. Issue 1: Religion — Society — State: institutions, processes, and thought. Book 1: The History of state-confessional relations in Russia (X — the beginning of the XXI century): a textbook in two parts. Part II: XX — the beginning of the XXI century]. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration, 2010, pp. 105–107 (in Russian).

Prilozhenie k postanovleniyu № 1603 Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 19 noyabrya 1944 g. Predlozheniya Soveta po delam religioznykh kul'tov pri SNK SSSR “O poryadke otkrytiya molitvennykh zdaniy religioznykh kul'tov” [Appendix to Resolution No. 1603 of the Council of People's Commissars of the USSR dated November 19, 1944 Proposals of the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR “On the procedure for opening prayer buildings of religious cults”]. *Moskva Pobednaya. 1941–1945: Arkhivnye dokumenty i materialy* [Moscow Pobednaya. 1941–1945: Architectural documents and materials]. Moscow: State Budgetary Institution Central State Archive of the City of Moscow, 2015, pp. 603–604 (in Russian).

Rokucci A. *Stalin i patriarkh: pravoslavnaya tserkov' i sovetskaya vlast', 1917–1958* [Stalin and the Patriarch: the Orthodox Church and Soviet Power, 1917–1958]. Moscow: Political Encyclopedia, 2016, 582 p. (In Russian).

Savin A. I. “Zigzagi” sovetskoi religioznoi politiki (1923–1966 gg.) [“Zigzags” of Soviet religious policy (1923–1966)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2018, vol. 25, no. 4, pp. 28–32 (in Russian) <https://doi.org/10.15372/HSS20180405>

Savin A. I. Sovetskoe gosudarstvo i religioznye organizatsii: ot politiki “razdelyai i vlastvui” k politike “ob'edinyai i vlastvui” [The Soviet state and religious organizations: from the pol-

icy of “divide and rule” to the policy of “unite and rule”]. *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Confessional policy of the Soviet state in the 1920s — 1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference]. Moscow: Political Encyclopedia, 2019, pp. 31–38 (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in 1939–1964)]. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvor'e, 1999, 399 p. (In Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche, Lepta, 2010. 478 p. (In Russian).

Shkarovskii M. V. *Stalinskaya religioznaya politika i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–1953 godakh* [Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *Acta Slavica Iaponica*. 2009, vol. 27, pp. 1–27 (in Russian).

Smolina I. V. *Irkutskaya eparkhiya v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v 1940–1980-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Irkutsk Diocese in the system of state-church relations in the 1940s-1980s: abstract of the dissertation. candidate of Historical Sciences]. Irkutsk, 2010, 26 p. (In Russian).

Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A holy place is never empty: the History of Soviet Atheism]. Moscow: New Literary Review, 2021, 547 p. (In Russian).

Soskovets L. I. 1948 god v konfessional'noi politike gosudarstva i zhiznedeyatel'nosti religioznykh organizatsii v SSSR [Year of 1948 in the confessional policy of the state and the life of religious organizations of the USSR]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2020, no. 67, pp. 47–53 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19988613/67/7>

Soskovets L. I. *Pravovoe polozhenie religioznykh organizatsii v sovetskom gosudarstve* [The legal status of religious organizations in the Soviet state]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Scientific notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy]. 2003, no. 1, pp. 310–322 (in Russian).

Soskovets L. I. *Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki* [Soviet believers: common sociodemographic and cultural characteristics]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2004, no. 281, pp. 62–65 (in Russian).

Starostin A. N., Yarkov A. P. “Brodyachie” mully v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v aspekte vzaimootnoshenii gosudarstva, ummy i ee liderov [“Wandering” mullahs in Siberia and the Far East in the aspect of relations between the state, the Ummah and its leaders]. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Social and Humanitarian Sciences]. 2020, no. 1, pp. 13–17 (in Russian).

Statisticheskii ezhegodnik. 2025. Statisticheskii sbornik [Statistical yearbook. 2025. Statistical collection]. Ulan-Ude: Buryatstat, 2025, 372 p. (in Russian).

Stepanov A. F. *Kazanskaya eparkhiya i mestnaya vlast' v 1944–1952 gg. (po otchetam upolnomochennykh Soveta po delam RPTS po Tatarskoi ASSR)* [The Kazan Diocese and

local government in 1944–1952 (according to the reports of the authorized representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Tatar ASSR)]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 595–604 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. *Istoriya Uspenskoj tserkvi g. Kyakhta vo vtoroi polovine XX v. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatii)* [The history of the Assumption Church in Kyakhta in the second half of the twentieth century (based on the materials of the State Archive of the Republic of Buryatia)]. *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik: 2014* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk: Baikal State University, 2014, pp. 383–390 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na territorii Buryatii v 1940–1980-e gg.* [The Russian Orthodox Church in Buryatia in the 1940s and 1980s]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]. 2017, no. 2, pp. 37–43 (in Russian).

Tsyrempilova I. S., Zlygosteva Yu. G. *Deyatel'nost' upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Soveta po delam religii) v 1940-kh — 1980-kh gg. (na primere Baikalskogo regiona)* [The activities of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for Religious Affairs) in the 1940s — 1980s (on the example of the Baikal region)]. *Vlast'* [Power]. 2010, no. 10, pp. 47–50 (in Russian).

Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhin D. G. *Istoriya buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg.* [The history of Buddhism in Buryatia: 1945–2000]. Ulan-Udeh: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006, 136 p. (In Russian).

Vasil'eva O. Yu. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroi Vatikanskii Sobor: fakty, sobytiya, dokumenty* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council: facts, events, documents]. Moscow: Lepta, 2004, 382 p. (In Russian).

Zayavlenie chlenov prikhodskogo soveta pravoslavnoi obshchiny g. Ulan-Udeh o Sovmin RSFSR o peredachi zdaniya byvshego Odigitrivskogo sobora veruyushchim goroda [Statement by members of the Parish Council of the Orthodox community of Ulan-Ude on the Council of Ministers of the RSFSR on the transfer of the building of the former Odigitrivsky Cathedral to the faithful of the city]. *Iz istorii religioznykh konfessii Buryatii. XX vek. Sbornik dokumentov* [From the history of religious denominations of Buryatia. XX century. Collection of documents]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2001, pp. 159–159 (in Russian).

Zharnikova S. S. *Pravoslavnye monastyri v istorii i kul'ture Respubliki Buryatii* [Orthodox monasteries in the history and culture of the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2009, no. 6, pp. 291–294 (In Russian).

Zhiromskaya V. B., Kiselev V. I., Polyakov Yu. A. *Polveka pod grifom “sekretno”: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a century classified as “secret”: The All-Union population Census of 1937]. Moscow: Nauka, 1996, 152 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.11.2025

Принята к публикации: 10.12.2025

Дата публикации: 31.03.2026